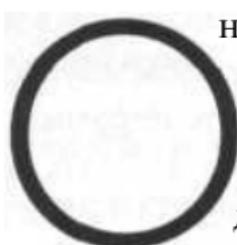

ПЯТНАДЦАТЬ
ЧЕЛОВЕК
НА СУНДУК
МЕРТВЕЦА...

Фэнни остолбенела — этот человек не мог оказаться здесь! Год назад их пути разошлись: она оставила его в Англии, а сама вернулась домой, в Америку. Но вот распахнулась дверь, и к ее ногам рухнул Роберт Луис Стивенсон собственной персоной!

н так и не пришел в сознание, пока Фэнни тащила его до постели. Впрочем, это не составило ей труда — Луис исхудал до такой степени, что весил не больше ребенка. Фэнни дотронулась до его лба — жар — и безошибочно определила симптомы: сама лишь недавно оправилась от этой болезни. Луиса на пороге ее дома свалила желтая лихорадка. Боже! Как же он добрался сюда, в калифорнийский городок Монтерей, ведь для этого пришлось одолеть океан и пересечь пол-Америку?!

Сэр Томас Стивенсон считал сочинительство сына глупой блажью, мечтал, что Луис продолжит семейную традицию и станет строителем или смотрителем морских маяков (1859 г.)

Белл сказала: «Я не хочу идти против своего сердца, мама! — И грустно добавила: — Как ты...»

Фэнни еще раз поменяла компресс и облегченно вздохнула: жар, кажется, спал. Луис перестал метаться и спокойно уснул, закинув руку под голову, как мальчишка. Он всегда вел себя по-ребячески — восторженно, нетерпеливо, не задумываясь о последствиях. Пылко объяснялся в вечной любви, уговаривал выйти замуж, не обращая внимания на то, что Фэнни — замужняя женщина и к тому же старше Луиса на 10 лет! Она-то обязана думать о будущем, о детях, о нем, о себе, наконец. Но так трудно рассуждать здраво, когда любишь...

...Они познакомились три года назад, в сентябре 1876-го, в местечке Грёз под Парижем. Для Фэнни это был страшный год. Фрэнсис Матильда Осборн, урожденная Ван де Грифт, с тремя детьми — двумя сыновьями и дочерью жила в Париже в нищете и впроголодь. Сэм Осборн, с которым они были женаты уже 19 лет, постоянно изменял Фэнни и редко появлялся в семье. Однажды муж пропал так долго, что миссис Осборн подумала, что его уже нет в живых. Однако ветреный супруг явился, как всегда, неожиданно, валялся в ногах, молил о прощении. Она в очередной раз уступила, а Сэм снова пустился в загул и укатил в Америку. Тогда Фэнни и решила уехать в Париж — попытаться начать самостоятельную жизнь. Став этакой эмансипированной дамой, она, записавшись на курсы живописи, пробовала рисовать, даже сочиняла небольшие рассказы. Увы, картины не покупали, рассказы печатали редко. В феврале 1876-го сильно простудился младший сынишка. Денег на лечение не оказалось, и спасти его не удалось.

После смерти сына Фэнни с детьми уехала в Грёз. Сняв в долг крошечный гостиничный номер, днем они втроем бродили по окрестностям, а вечерами отдыхали на застекленной веранде. На природе боль утраты казалась не такой

Перед венчанием дочь Фэнни Белл сказала: «Я не хочу идти против своего сердца, мама! — И грустно добавила: — Как ты...»

К ночи жар усилился, и Луис начал бредить: «Корабль набит до отказа! Жара, дышать нечем! Это не корабль — а бочка из ада...» Потом звал отца, просил денег. Кричал: «Фэнни больна! Вот телеграмма! Я поеду, даже если придется голодать!»

Фэнни, меняя полотенца на разгоряченном лбу Луиса, только горестно качала головой. Никакой телеграммы она не посылала. Неужели месяц назад, в июле 1879-го, когда сильно занедужила, телеграмму отправил кто-то из детей? Но сыну Ллойд всего девять лет... Может быть, Белл... Недавно против материнской воли дочь вышла замуж за Джо Стронга, безвестного нищего художника. Теперь молодые сидят без гроша, зато светятся от счастья, твердя, что кроме любви им ничего не нужно... Помнится, перед венчанием

острой. Как-то теплым осенним днем Фэнни сидела одна у распахнутого окна веранды. Послышались веселые голоса — к гостинице приближались новые постояльцы. Впереди вышагивал богемной наружности юноша, высокий, длинноволосый, в бархатной куртке. Пригладив пятерней свою растрепанную гриву, он весело крикнул: «Вот пристанище странников! А это прелестная дама, на которой я и женюсь!» В ответ все засмеялись, включая Фэнни. Ох, уж эти галантные французы...

Однако наутро выяснилось, что молодой шутник вовсе не француз, а шотландец. Роберт Луис Стивенсон предстал перед Фэнни в компании ее шестилетнего сына. «Я буду писать путевые рассказы, — заявил Луис, — а ваш Ллойд — их слушать. И все мы будем счастливы!»

Как два закадычных приятеля, они бегали на рыбалку, беспечно носились по округе, часто прихватывая с собой и 17-летнюю Белл. Как-то незаметно благодаря Луису в доме появилась вкусная еда, маленькие подарки. Впервые после смерти младшего сына в семье Фэнни звучал радостный смех, ей хотелось вставать по утрам. Хотелось жить...

Долговязый и неуклюжий Луис буквально лучился любовью к Фэнни и ее детям. Но ей не следует забывать: юноше всего двадцать шесть, она же тридцатишестилетняя за-

Впрочем, Луису вряд ли стоит возвращаться на родину. Ведь бесконечные дожди и туманы могут привести к обострению болезни, которой он страдает с ранних лет. Луис рассказывал Фэнни, что в детстве из-за слабых легких он почти не вставал с постели — неделями, а иногда и месяцами задыхался и надрывно кашлял. С ним неотлучно находилась няня Элисон Каннингем — Камми, как звал ее Луис. Няня любила мальчика всем сердцем, но была уж очень набожной и, чтобы ребенок вел себя хорошо, постоянно рассказывала

Фэнни не следует забывать: Луису всего двадцать шесть, она же — тридцатишестилетняя замужняя дама. О разводе нечего и думать...

мужняя дама... Супруг у нее, конечно, не подарок, но о разводе нечего и думать — тогда Осборн вообще не пришлет ни цента. А надеяться на Луиса не приходится: пока он сам живет на отцовские деньги. Взглянув на вещи реально, Фэнни поняла: у их романа нет будущего. Ведь то, что возможно в эмансипированном Париже, никогда не поймут в чопорной Британии.

про ужасы ада и мучения грешников, пугая жуткими привидениями и похитителями трупов. Неудивительно, что беднягу с детства преследовали ночные кошмары, от которых он так и не избавился. До сих пор Луису снится, что его то хоронят заживо, то заставляют съесть всю землю...

Пытаясь найти климат поздоровее, родители возили сына по стране и континенту. Луис и в школу-то толком не хо-

Луис Стивенсон с родителями, прислугой и няней Камми (1865 г.)

Луис покорился воле родителя, но быстро возненавидел университет, а вместе с ним и сэра Томаса

дил — в основном занимался с домашними учителями. Лишенный из-за болезни общения со сверстниками, мальчик придумал развлечение: тайком сочинял себе вторую жизнь, в которой совершал подвиги и пускался в рискованные приключения. Луис даже научился заказывать сны о необыкновенных историях. В три года он рассказал Камми один «волшебный рассказик», увиденный во сне, и потребовал его записать. Няня едва владела грамотой, зато памятью ее Бог не обделил. Она пересказала историю миссис Стивенсон, мать пришла в умиление и с тех пор регулярно записывала в своем дневнике рассказы сына: Луис сочинял часто и вдохновенно. «У меня с двенадцати лет в кармане всегда две книжки, — признался он как-то Фэнни. — Одну я читаю, другую — пишу».

Однако сэр Томас Стивенсон считал сочинительство сына глупой блажью, мечтая, что Луис продолжит семейную традицию и станет строителем или смотрителем морских маяков. Отец настоял, чтобы наследник поступил на инже-

Фрэнсис Матильда Осборн, урожденная Ван де Грифт, с тремя детьми — двумя сыновьями и дочерью жила в Париже в нищете и впроголодь

И вот Луис впервые в жизни оказался без родительской опеки. Перед отъездом во Францию отец выдал ему целую тысячу фунтов — «премию» за окончание университета. На эти деньги Луис путешествовал по стране, а потом снял в Париже квартиру, куда они с Фэнни и детьми перебрались из Грёза.

Однако отцовские деньги стремительно таяли. «Что же дальше?» — в панике думала Фэнни. Почтенное шотландское семейство Стивенсонов наверняка вообразит, что их бесценного сыночка окрутила перезрелая дамочка, мечтающая заполучить чужие денежки. Такого позора ей не пережить! В начале августа 1878 года Фэнни твердо решила вернуться к мужу и уехала в Америку.

С тех пор ей целый год снился один и тот же кошмар: Фэнни с детьми приезжают на Лондонский вокзал проститься с Луисом. Она пытается сказать, что любит его и будет любить всегда. И еще — он должен писать не милые очерки, а беллетристику, лучше историческую. Ведь последние опусы Луиса — «Ночлег Франсуа Вийона» и ироничные рассказы о принце Флоризеле, под именем которого он «спрятал» принца Уэльского, — имели успех. И не стоит переживать: если журнал «Лондон» почти ничего не заплатил, то это не значит, что вещи не удались. Когда-нибудь издатели будут рвать друг у друга из рук рукописи Стивенсона! Фэнни еще что-то говорит, но Луис уже не слушает и, развернувшись, резко уходит — в ночь, в дождь. И где-то там во тьме кашляет, кашляет...

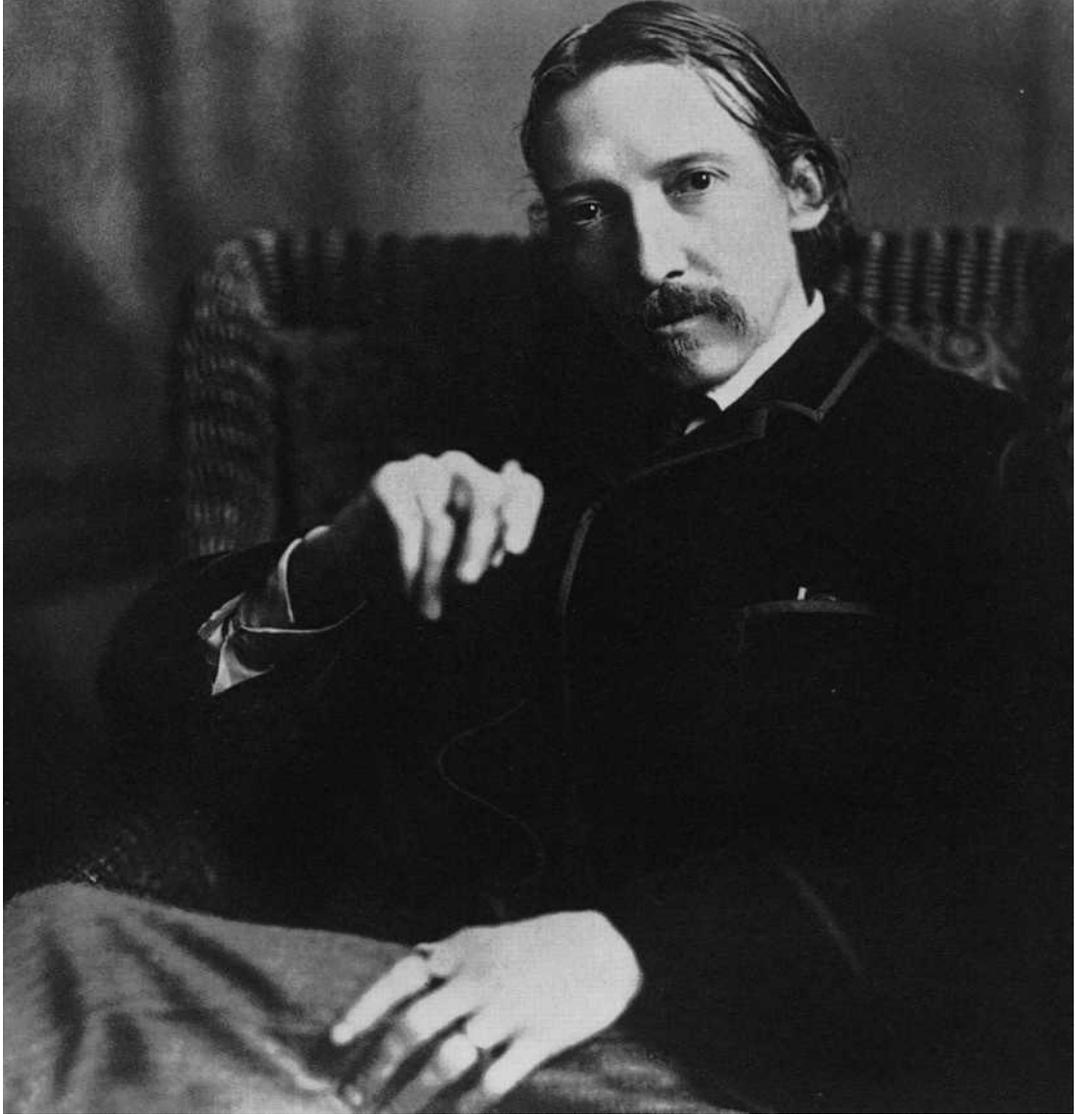
...Фэнни вскочила, но, увидев спящего Луиса, сразу успокоилась: это же только сон! Проклятая болезнь отступила, и уже неделю Луис чувствует себя неплохо. Завтра ему придется перебраться в гостиницу, а она поедет в Сан-Франциско — уговаривать Сэма дать ей развод, и, если все пройдет гладко, они с Луисом поженятся. Ллойд же пока поживет у знакомых.

Завтра Фэнни поедет в Сан-Франциско — уговаривать Сэма дать ей развод, и, если все пройдет гладко, они с Луисом поженятся

нерный факультет Эдинбургского университета. Луис покорился воле родителя, но быстро возненавидел университет, а вместе с ним и отца. С инженерного ему удалось перевестись на юридический факультет, но в итоге и от почтенной профессии адвоката осталась только парадная фотография в мантии и парике. По окончании университета Луис свалился с лихорадкой, ревматизмом и плевритом. «А побольше болячек вы не смогли собрать?» — ехидно поинтересовался сэр Эндрю Кларк, светило лондонской медицины, и потребовал, чтобы пациент немедленно отправился на юг Франции, где для него более подходящий климат, и желательно без родителей, поскольку глухая взаимная неприязнь в семье только усугубляет болезнь. «И еще, — добавил доктор, обращаясь к сэру Томасу, — пациент должен усиленно питаться. Ваш сын весит всего 53 килограмма!»

Однако до последнего момента Фэнни не покидала тревога: неужели его не смущает разница в возрасте? Перед отъездом в Сан-Франциско она все-таки решилась задать этот вопрос. Оказалось, что волновалась Фэнни напрасно, Луиса всегда тянуло к женщинам постарше. Его первая взрослая любовь была тоже на 10 лет старше, и, что интересно, ее тоже звали Фэнни! Более того, познакомился с ней 23-летний Луис тоже через сынишку. Только эта любовь осталась безответной — миссис Фэнни Ситуэлл любила другого. Однако она сразу признала в юном поклоннике «литературного гения» — именно так миссис Ситуэлл обращалась к нему в своих ответах на письма, которыми еще три года забрасывал ее Стивенсон.

Вторую любовь он встретил в начале 1876 года во Франции. Луис познакомился с путешествующей госпожой Гар-

Последние опусы Луиса — «Ночлег Франсуа Вийона» и ироничные рассказы о принце Флоризеле, под именем которого он «спрятал» принца Уэльского, — имели успех. «Когда-нибудь издатели будут рвать друг у друга из рук рукописи Стивенсона», — уверяла Фэнни (1886 г.)

шиной и ее очаровательной малюткой-дочкой, которую тут же окрестил Кнопкой. В груди молодого шотландца вспыхнуло чувство, но загадочная русская душа мадам Гаршиной оказалась для него закрыта. До сих пор Луис не знает, как относи-

Франциско. Новобрачной даже удалось уговорить секретаря записать в свидетельстве, что мистер Стивенсон женится не на какой-то «разведенке», а на почтенной вдове. Конечно, Фэнни взяла грех на душу, зато в Шотландии ей так

Загадочная русская душа мадам Гаршиной оказалась для Луиса закрыта. До сих пор он не знает, как относилась к нему эта дама

лась к нему эта дама. Да и кто вообще может похвастать, что понимает русских?.. «Но американка-то должна меня понимать! — смеялся Луис, — все-таки на одном языке говорим!»

В мае 1880 года их брак зарегистрировали в мэрии Сан-

будет проще...

В августе 1880-го сэр Томас Стивенсон с супругой встречали на столичном вокзале свое блудное чадо. Всю дорогу, пока добирались из Эдинбурга до Лондона, мать нервно те-

Отдохнуть у дочери в Австралии Фэнни удалось недолго: Луиса обюяла страсть к путешествиям по бескрайним просторам Океании. Фэнни, Луис Стивенсон, Белл и миссис Стивенсон (Сидней, 1893 г.)

ребила в руках кружевной платочек, а сэр Томас скрипел зубами, представляя этакую развязную особу с модной пахитоской в зубах, готовую в любой миг сплясать канкан прямо на столе. Ну как еще может выглядеть дикая американка, с которой Луис познакомился в развратном Париже?

Однако, к удивлению родителей, новоявленная сноха оказалась невысокой милой леди с ясным взглядом и приятной улыбкой. Сэра Томаса, правда, несколько озадачило,

старый Стивенсон и, улыбнувшись, повернулся к Ллойд, благословитанно стоявшему поодаль, пока взрослые знакомились. Мальчик залился краской, опустил глаза и вдруг смущенно выпалил: «Вы расскажете мне про маяки, сэр? И про пиратов?»

Так пираты, вышедшие на свет маяка, примирили семейство. Теперь Стивенсоны часто проводили время все вместе, а летом 1881 года сняли коттедж в горах близ Брейма-

Всю дорогу сэр Томас скрипел зубами, представляя развязную особу с модной пахитоской в зубах, готовую сплясать канкан прямо на столе

что именно она руководила разгрузкой багажа, весьма твердым тоном давая указания носильщикам, в то время как непоседа-сыннок ринулся в материнские объятия. Пока парочка рыдала на груди друг у друга, сэр Томас перекинулся с Фэнни несколькими фразами о путешествии и работе носильщиков, найдя ответы снохи практичными и деловыми. «Не такая ли жена и нужна моему сыночку?» — подумал

ра. «Это места Мак-Грегоров, — объяснял маленькому Ллойд сэр Томас. — Мы, Стивенсоны, тоже принадлежим к их клану, а значит, нам здесь обязательно повезет!»

С погодой, впрочем, велю недолго: через неделю зарядил дождь. Сэр Томас взялся за чтение очередной истории о разбойничьих кладах, миссис Стивенсон — за вязанье. А Ллойд раскрашивал одну из многочисленных картинок о

Комната в доме Стивенсона (Монтерей, Калифорния)

похождениях пиратов. В один из вечеров к нему присоединился скучающий Луис и нарисовал карту. «Что это?» — замирая от любопытства, спросил мальчик. «Остров сокровищ», — шепотом ответил Луис.

Так дождливым вечером в горах близ Бреймара родился замысел новой книги. Дом Мак-Грегоров и впрямь оказался особенным. Не успел писатель опомниться, как в голове уже сложился перечень глав будущего романа. История начиналась в трактире «Адмирал Бенбоу», где старый пират Билли Бонс с кустистыми бровями, как у сэра Томаса, рассказывает захватывающую историю мальчишке, похожему на Ллойда.

Каждую ночь Стивенсон писал об острове сокровищ, и каждое утро семейство в полном составе собиралось послушать и обсудить новую главу. Помогали все: сэр Томас составлял опись таинственного сундука Билли Бонса, уточнял детали оснастки быстроходного парусника «Эспаньола». Мать выяснила, какую одежду носили в те далекие времена, когда мужчины ходили в напудренных париках с косичкой. Однажды под рисунком острова сокровищ неожиданно появилась «собственноручная» подпись зловещего капитана Флинта, удостоверяющая подлинность карты, — никто не видел, как ровно в полночь подпись поставил старый сэр Томас. Фэнни смеялась над игрой, в которую охотно втянулась вся семья, до тех пор пока Луис не пропел пиратскую песенку: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

В начале 1890 г. на острове Уполу архипелага Самоа Стивенсоны приобрели 400 акров земли и наняли местных жителей строить дом

Йо-хо-хо, и бутылка рому!» И хотя муж уверял родных, что это настоящая старинная пиратская песня, она-то знала, что ее как-то ночью сочинил сам Луис. «Но только к добру ли такие зловещие слова?..» — тревожилась Фэнни.

«Остров сокровищ», который Стивенсон писал два года, принес «баснословный» гонорар: 34 фунта 7 шиллингов 6 пенсов. И вызвал злобные нападки критики: «Стивенсон малюет одним взмахом кисти, используя единственную краску — кровь». Луис был ошарашен. И тут сэр Томас впервые поддержал сына: «Крепись, мальчик! Слушай только нас. Мы утверждаем: ты создал замечательную книгу!» Если бы Луис знал, что главное испытание впереди! Читатели настолько уверовали в подлинность событий, что сразу возникли вопросы: откуда автор знает о кладях? Уж не ведет ли он зловещую двойную жизнь? Иначе зачем подписал роман именем подлинного пиратского капитана XVIII века — «Джон Норд»? Сомнения стремительно перерастали в уверенность: вскоре нашлись «свидетели», которые уверяли, что Стивенсон — пират. Якобы в 1876 году в Марселе он познакомился с морскими разбойниками и принял обряд посвящения, даже имя новое получил — капитан Бонс. Быстро вошел в элиту пиратства, узнал о кладе в миллион долларов и решил украсть его в одиночку, обманув команду ко-

рабля. Но матросы проведали о предательстве, и Бонсу-Стивенсону пришлось бежать в Англию. Там он долго выдавал себя за добропорядочного человека, писателя. Ему ведь даже сюжеты выдумывать не надо!

Стивенсон, до которого, естественно, доходили эти не-сусветные слухи, только потешался: «Подумаешь, смутили! Были наговоры и похлеще!» Он признался Фэнни, что в юности по Эдинбургу о нем тоже гуляли разные сплетни. Будто разнузданный Стивенсон только днем студент, по ночам же — «король притонов» по кличке Бархатная Куртка, завсегдатай борделей и заядлый курильщик опиума. «Что ж, — пожимал плечами Луис, — тогда я действительно вел богемную жизнь — отрастил волосы, облачился во «французскую» куртку и вызывающий красный шарф. В компании таких же легкомысленных юнцов обошел все кабаки Эдинбурга, заглядывал, конечно, и в «тайнственные» притоны моряков. В один даже зачастил и «снял» там постоянную девочку, а потом решил на ней жениться — чтобы позлить отца!

— Не волнуйся, в притоны я брал записную книжку и в этой романтической, как тогда мне казалось, атмосфере просто сочинял стихи! — хохотал Луис, видя изумление на лице жены. — А молоденькая проститутка Кейт Драммонд, попов-

шшая в «убежище греха» из нищей деревушки на севере Шотландии, на самом деле рассказывала мне удивительные легенды горцев. Я слушал их ночи напролет. Ну а позлить отца воплями о женитьбе — святое дело для каждого молокососа!

Фэнни слушала, и ее глаза непроизвольно округлялись. Притоны, опиум, двойная жизнь?! Она не знала: плакать ей или смеяться. Часто, просыпаясь, Луис шепчет: «Где я?» Может, он и вправду живет по ночам в каком-то другом мире?

Весной 1884 года они перебрались в собственный дом в Борнмуте, подарок старого сэра Томаса, там Луис спал гораздо спокойнее. Но к зиме ночные кошмары вернулись.

вая, записывал увиденное, а ночью «заказал» себе продолжение сна. И человечки продолжили свой спектакль. С утра Луис снова лихорадочно исписывал лист за листом. На третью ночь он увидел во сне окончание дьявольской истории и, проснувшись, перенес его на бумагу. Задыхаясь от волнения, Луис прочел новеллу домашним. Отец и мать пришли в восторг, только Фэнни сидела в задумчивости, пытаясь осмыслить призрачный сюжет, возникший из бездны снов. В новелле угадывалась необычайная глубина, но она явно нуждалась в доработке, поскольку писалась в спешке. Когда Фэнни высказала свое мнение, Луис побелел и пулей выле-

«Остров сокровищ», который Стивенсон писал 2 года, принес «баснословный» гонорар: 34 фунта 7 шиллингов. И вызвал злобные нападки критики

Один раз муж так стонал во сне, что Фэнни жутко перепугалась. Она долго трясла его, пытаясь разбудить. Наконец Стивенсон очнулся и тут же закричал на жену: «Зачем ты это сделала? Мне снилась чудесная дьявольская сказка!»

Оказалось, Луис видел во сне фантастических человечков, которые разыгрывали перед ним представление, как в театре. Эти человечки жили в его снах с детства, и Луис давно к ним привык. Сегодня они показывали жуткую историю про некоего доктора Джекила и его двойника — злобного мистера Хайда. Весь следующий день Стивенсон, покряхты-

тел из комнаты. Через минуту вернулся и... швырнул рукопись в огонь. Фэнни кинулась к камину, но Луис удержал жену: «Ты права!» Потом, потребовав пачку бумаги, заперся в своей комнате. К вечеру у него началась лихорадка, но Луис никого к себе не пускал. Он писал три дня. Так появился второй вариант «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда». Спустя месяц, в январе 1886-го, новелла была опубликована, но на сей раз никакой реакции — ни читателей, ни критиков — не последовало. Стивенсон был взбешен: «Я расщепил свое «я», а они даже не заметили!»

Туземцы уважительно звали писателя Туситала — Сказитель. На Самоа сказители приравнивались к вождям, и вожди местных племен, даже сам верховный правитель Матаафа, часто фотографировались с хозяином «Ваилимы»

Автор ошибся. Его опус все же заметили, хотя и очень далеко — в Америке. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала хвалебную рецензию на «Джекила и Хайда», объявив новеллу бестселлером.

В 1887 году Стивенсон после смерти отца перебрался со всем семейством за океан. Там его ждал восторженный прием. Как и предсказывала когда-то Фэнни, произведения

«сон» — кто-то невидимый настойчиво твердил: «Ты должен отправиться в южные моря! Там твое спасение!»

Поскольку терять все равно было нечего, в июне 1888 года Луис, заплатив две тысячи фунтов из трех, полученных после смерти отца, арендовал яхту «Каско» и со всем семейством отправился в плавание. Не прошло и двух дней, как он почувствовал себя значительно лучше, в отличие от

Однажды Луису приснился «вещий сон» — кто-то невидимый настойчиво твердил: «Ты должен отправиться в южные моря! Там твое спасение!»

мужа шли нарасхват, и американские журналы, надо отдать им должное, платили вполне приличные гонорары. Кажется, жизнь налаживается, но, как назло, опять дала о себе знать болезнь. Луиса спешно отвезли на высокогорный курорт для туберкулезников, расположенный на озере Саранак, но особенных улучшений не наступало. Впервые в жизни Фэнни растерялась, она не знала, что предпринять, у нее опускались руки. Однажды Луису приснился «вещий

Фэнни... Проклятая морская болезнь мучила ее 24 часа в сутки. Но она мужественно сносила качку, главное — Луис оживал на глазах: наконец сбылась его детская мечта о дальних странствиях.

Теплый морской климат сотворил чудо — забыв о болезни, Луис, не зная удержу и не чувствуя усталости, полтора года носился по волнам. Он бы еще долго не вспоминал о земных радостях, но взбунтовалась Фэнни, заявив, что хо-

За четыре года у Стивенсона появились романы «Катриона» и «Сент Ив», началась работа над главным «шотландским» романом «Уир Гермистон»

**Ллойд, Фэнни, Стивенсон
и один из вождей Самоа (1893 г.)**

чет иметь нормальный дом и ощущать твердую почву под ногами.

В начале 1890 года на острове Уполу архипелага Самоа Стивенсоны приобрели 400 акров земли, наняли местных жителей строить дом, а сами отплыли в Сидней, где жила с семьей Белл. Но отдохнуть у дочери в Австралии Фэнни удалось недолго: Луиса вновь обуяла страсть к путешествиям по бескрайним просторам Океании. Лишь поздней осенью Стивенсоны наконец ступили на землю острова Самоа и начали обживать свое новое поместье «Ваилима», что на местном наречии означает «Пятиречье».

Туземцы уважительно звали писателя Туситала — Сказитель. На Самоа сказители приравнивались к вождям, и вожди местных племен, даже сам верховный правитель Матаафа, часто фотографировались с хозяином «Ваилимы». Дом писателя был всегда полон народу: вскоре приехала Белл с мужем и детьми, кроме того, многочисленные слуги тоже стали членами семейства. Сам Стивенсон уподобился вождю клана — совсем как в его родной Шотландии — и считал делом чести устраивать частые празднества для своего огромного «местного семейства». Особенно пышно справлялись дни рождения Туситалы. 13 ноября 1893 года на праздничное угощение пошло пятнадцать поросят, сто фунтов говядины, сто фунтов свинины, на столах высились горы фруктов и сладостей. У ворот на привязи стояло шестьдесят

Похоронили Луиса Стивенсона на вершине горы Веа, откуда открывается изумительный вид на остров

лошадей. Гостей собралось человек сто пятьдесят. Двери «Ваилимы» всегда были открыты и для европейцев — от колониальных чиновников до простых моряков.

Широкие застоля и содержание семейного клана требовали больших затрат, а средства, вырученные от продажи имущества в Шотландии, были не беспредельны. Так что работать Стивенсону приходилось как каторжному. За четыре года появились романы «Катриона» и «Сент Ив», началась работа над главным «шотландским» романом «Уир Гермистон».

Именно над «Уиром» он трудился в тот памятный день 3

машинально пересчитала туземцев — их оказалось 15 — и невольно вспомнила пиратскую песню из «Острова сокровищ». На душе вдруг стало тоскливо и страшно. Рассказывать об этом Луису не хотелось...

Муж потащил Фэнни на веранду, усадил за стол. Он принес из погреба бургундское и уже собирался откупорить бутылку, но внезапно потерял сознание и рухнул на пол. Все усилия Фэнни помочь мужу оказались безрезультатными: через два часа 44-летний Роберт Луис Стивенсон отошел в мир иной — и не от застарелой болезни легких, а от кровоизлияния в мозг.

Фэнни пересчитала туземцев — их оказалось 15 — и невольно вспомнила пиратскую песню из «Острова сокровищ». На душе стало тоскливо

декабря 1894 года — диктовал своей падчерице Белл очередную главу. Диктовал, впрочем, недолго, пошел искать Фэнни. Жена сидела в кладовой и выглядела необычайно мрачной. Из головы не шла странная картина: накануне, выглянув в окно, она увидела группу туземцев. Обычное в общем-то зрелище... Встревожило Фэнни то, что люди стояли совершенно неподвижно, в полном молчании. Кажется, они даже не дышат, пристально глядя на дом. Фэнни

Похоронили его на вершине горы Веа, откуда открывается изумительный вид на остров. Чтобы выполнить последнюю волю Туситалы, пришлось собрать совет вождей: гора заросла лесом, и пути на вершину не было. По решению вождей сотни туземцев в полном молчании, сверкая потными телами, яростно прорубали путь сквозь непроходимую чащу. Это был их последний долг, отданный Туситале...

Елена Коровина